

УДК 316.61

Виртуальное как социальное пространство: метафизические основания феномена

Клюшина Е.В.

Кандидат социологических наук, доцент кафедры философии
Казанского государственного энергетического университета

Хазиева Н.О.

Аспирант кафедры общей философии
Казанского (Приволжского) федерального университета

Хазиев А.Х.

Кандидат социологических наук,
доцент кафедры общей философии
Казанского (Приволжского) федерального университета

Статья посвящена философскому осмыслению феномена виртуальности как социального пространства. Авторы исследуют онтологический статус виртуального социального пространства, что, с их точки зрения, позволяет перейти к его адекватному праксиологическому измерению.

Ключевые слова: общество, виртуальное социальное пространство, актуальное социальное пространство, общественные отношения, человек, социальное бытие, сущее, должное.

Последние пару десятилетий в фокусе исследовательского внимания прочное место остается за осмыслением феномена виртуальности как значимой составляющей не только экзистенции отдельного человека, но и существования общества в целом. Но, как это нередко бывает, повышенное внимание к проблеме не означает ее адекватного понимания, что касается, прежде всего, онтологического статуса виртуальной социальной реальности. В целом, верно оценивая возросшую роль виртуального в жизни общества, исследователи склонны отождествлять феномен с одним из его проявлений и, как правило, с технико-технологическим его воплощением. Подобная редукция сложного к простому, целого к части не состоятельна не только

онтологически и гносеологически, но, в конечном итоге, и с праксиологической точки зрения. В то же время критическое отношение к доминирующему пониманию виртуального, конечно же, не означает того, что оно абсолютно исключает наличие в специальной литературе хотя бы какого-то позитивного момента для реконструкции этого феномена. Таким созидающим виртуальное «первоэлементом», как нам представляется, считается то, что оно почти у всех аналитиков предстает как нечто (в конечном итоге) идеальное. Разумеется, не всякое идеальное есть виртуальное. В противном случае это вело бы к никому не нужному умножению сущностей. Идеальное тогда превращается в виртуальное, когда становится пространством бытия человека. Однако,

существование в виртуальном мире, с точки зрения взаимодействия человека и общества, различно. К примеру, пребывание в такой реальности в качестве следствия может означать лишь принадлежность субъекта к определенной субкультуре (ученого, художника и пр.). Это само по себе, безусловно, важно для обретения субъектом социального «лица», но недостаточно для того, чтобы считаться активным творцом общественных отношений. Последнее, по нашему мнению, возможно только тогда, когда пребывание в виртуальной реальности сопряжено с аксиологическим измерением взаимоотношений в системе «человек – общество». А оно, в свою очередь, есть результат осознания человеком несовпадения сущего с должным. При таком подходе к проблеме виртуальная реальность в широком смысле слова (в нашем случае – социально окрашенная виртуальная реальность как принадлежность к субкультуре) может превратиться в виртуальное социальное пространство в узком (собственном) значении слова.

И последующая реконструкция метафизики виртуального как социального пространства невозможна без учета человеческого фактора. Мир виртуального, будучи творением духа человеческого, многообразен, проявляет себя на разных уровнях, что, безусловно, необходимо учитывать для адекватного представления его влияния на мир актуальный.

Прежде всего необходимо рассматривать виртуальность как продукт социальной деятельности всех предыдущих поколений. При таком подходе она есть объективный дух по отношению к каждой новой генерации людей. Можно сказать, что эта виртуальная реальность живет «своей жизнью», и человек способен влиять на нее не напрямую, а лишь косвенно. В таком случае актуальная реальность есть, в конечном итоге, проявление виртуальной реальности. Пожалуй, самой важной особенностью рассматриваемой виртуальности является то, что она, диктуя нормы и стандарты поведения, отдельного индивида превращает в члена общества. Однако, будучи внутренне-противоречивым, этот процесс приводит не только к объединению, но и разъединению людей, например, по этноконфессиональным «квартиркам». Кроме того, пространственно-временная объективация виртуальной социальности как нечто наиндивидуального может быть прогрессивной, а может выступать в качестве сдерживающей развитие социума силы. Нам представляется, что именно об этом писал Ф. Ницше, оценивая социальную роль религии и утверждая, что последняя может вести своих адептов либо к победам, либо к прозябанию и поражению [1].

Кроме того, необходимо различать саму виртуальную реальность и субъективные представления о ней человека. Человек никогда не сможет полностью проникнуться ею в его земных условиях существования, ему всегда будет недоставать нравственных или интеллектуальных сил, которые вознесли

бы его на уровень простого созерцания возвышенного как такового. На первую линию, по разумению человека, всегда будут вставать его представления о должном, совершенном, божественном. Несоответствие предельно возвышенного и истинно подлинного и представлений о них показано, например, в произведениях Платона, Гегеля. В этот момент происходит рождение другой виртуальной реальности, которая, по сравнению с первой, субъективна, порождается отдельным человеком. Однако и она не принадлежит человеку полностью, являясь в большей степени отражением несовершенного мира, окружающего человека. Каждый человек во все времена в той или иной степени творил такую виртуальную реальность: осознавая это или нет, специально (с определенным умыслом), интуитивно или же не желая этого вовсе, почти полностью или только частично имитируя окружающую действительность.

В этой подмене двух реальностей, актуальной и виртуальной, таится множество угроз самому человеку и его личности. Человек может замкнуться в собственном виртуальном мире, погрузиться в него полностью, и тогда виртуальный мир для него станет реальным и единственно значимым, а действительный, реальный – побочным и второстепенным. В качестве подобного примера вполне может подойти собирательный жизненный образ подпольщика из «Записок из подполья» Достоевского. Этому человеку куда дороже жизнь в его собственном надуманном (виртуальном) подпольном мире, нежели жизнь в реальном мире. А немногочисленные «выходы» в реальную жизнь могут причинить невыносимую боль. Ведь он отвык от «живой жизни» настолько, что, по собственному признанию подпольщика, это равносильно духовному самораствлению [2, с. 176]. А иногда виртуальный мир может победить самого творца, завладевая им в той степени, что он не может найти возможности вернуться в реальный мир.

Однако человеку свойственно творить виртуальную реальность не только для себя, но и для других. Тогда это – идеологии, утопии, рекламные акции, политическая и прочая пропаганда и многое другое. Ясно, что они должны упасть на подготовленную общественную почву, уже «разрыхленную» экономической и политической нестабильностью и социальными недугами. И тогда, действительно, теория становится, как отмечал философ, материальной силой [3, с. 422].

Виртуальное, в какой бы форме не выступало, творится человеком в конкретных исторических условиях. Каков человек и его историческое время, таковы и создаваемые им виртуальные миры. И в этом смысле такие понятия как, к примеру, «человек Античности», «общество Античности» и т.п. достаточно условны. Служа теоретическими конструктами генерализации истории, они при определенных условиях способствуют догматизации пред-

ставлений об историческом. Нужно помнить о том, что на различных этапах даже одной и той же эпохи человек и общество – иные по отношению к себе самим в прошлом. Поэтому одно дело – человек становящийся и, тем более, классической Античности, когда он творил виртуальные миры, руководствуясь принципом «человек – мера всех вещей!». Другое дело с человеком постклассической и, особенно, на стадии завершения Античности. Создавая виртуальные миры, он уже придерживается принципа «живи незаметно», признает господство фатума и относится к предметно-чувственному миру как месту своего временного пребывания, в чувствах и мыслях живя в Едином. Отсюда и принципиальная разница между ними как субъектами истории – они воспроизводят различные типы социальности.

В современном мире, оцениваемом философами как время Постмодерна, перед исследователем встают уже знакомые вопросы: каков характер взаимодействия человека с его наличным социальным бытием? в какие виртуальные миры принуждает уходить человека общество Постмодерна? как в них видит себя и общество человек? Ответ на эти и подобные им вопросы позволяет понять тип, формы, особенности той социальности, которая будет соответствовать (по мнению человека Постмодерна!) раскрытию сущностных сил человека.

В философии отмечается, что современный человек, существуя в условиях крайней степени онтологической неопределенности, в силу фрагментарности, коллажности, клиповости его мышления не обладает ни видением, ни пониманием мировых культурных, политических, социальных событий [4-6]. И в этом – вся трагичность его экзистенции, осознающего в моменты пересечения актуального и виртуальных миров свою ненужность в мире физического существования. В этом мире он – случайное существо, реален он лишь для виртуального мира, куда целенаправленно и постоянно человека уводят представляющие государственную власть и аффилированные с нею организованные структуры. По отношению к человеку власть и ее сателлиты оказываются силой тотальной, видящей в нем не гражданина, а подданного.

Человечество с таким уже сталкивалось, правда, в иных формах и историко-культурных контекстах. История повторяется. А раз так, то «смерть социального», «конец истории» – это не окончательный приговор человеку. Шанс избежать необратимых изменений у него остается и это спасение – в его собственных руках. Обратившись к должному и «примерив» на себе все, способствующее раскрытию человеческих талантов для начала в мире виртуальном, человеку нужно вернуться на грешную Землю. В уверенности, что нашел ответы на сакраментальные вопросы: что он может знать? на что он смеет надеяться? что он должен делать? И тогда история опять повторится во всем своем противоречивом великолепии!

Литература:

1. Ницше Ф. Антихрист // Собрание сочинений: В 5 т. Т. 5 / Пер. с нем. Ю. Антоновского, Я. Бермана, В. Вейнштока и др. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. – С. 263-330.
2. Достоевский Ф.М. Записки из подполья // Полное собрание сочинений в 30-ти т. Т. 5. – Л.: Наука, 1973. – С. 99-179.
3. Маркс К., Энгельс Ф. К критике гегелевской философии права // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. в 50 т. 2 изд. Т. 1 / Пер. с нем. Институт Маркса-Энгельса-Ленина. – М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, – 1955. – С. 219-429.
4. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Пер. с фр. Н.А. Шматко. – М.: Ин-т эксперимент. социологии. – СПб.: Алетейя, 1998. – 160 с.
5. Швейцер А. Я родился в период духовного упадка человечества // Кризис сознания: сборник работ по «философии кризиса». – М.: Алгоритм, 2009. – С. 5-11.
6. Бодрийяр Ж. Общество потребления: его мифы и структуры / Пер. с фр., послесл. и примеч. Е.А. Самарской. – М.: Республика: Культурная революция, 2006. – 268 с.

Virtual Space as a Social Space: Metaphysical Foundations of the Phenomenon

E.V. Klyushina

The Kazan State Power University

N.O. Khasieva, A.Kh. Khaziev

Kazan (Volga Region) Federal University

The paper deals with philosophical interpretation of the phenomenon of virtuality as a social space. The authors analyze ontological status of virtual social space that allows its adequate praxiological assessment.

Key words: society, virtual social space, actual social space, public relations, person, social being, matter, due.